

«АХИЛЛ, АХ, ХИЛ»**(ОБ ОДНОМ БАГРАТИОНОВСКОМ РАТНИКЕ)**

В начале января 1807 года, когда готовился поход русских войск в Пруссию, адъютантом командующего авангардом П. И. Багратиона был назначен поручик лейб-гвардии Гусарского полка Денис Давыдов, несмотря на свою молодость уже прославленный стихотворец. Давыдов тогда, конечно же, еще не мог знать, что в этой кампании будет принимать участие другой русский поэт, с которым ему предстояло познакомиться лишь три с небольшим года спустя в Москве. Оба они станут авторами («сотрудниками», как говорили в то время) «Вестника Европы», издаваемого В. А. Жуковским. Знакомство перерастет в дружество. Оба позже будут до упаду хохотать над надутой глупостью и бездарностью в «Арзамасе». Обоим суждено было стать звездами одной плеяды, чьи имена в русской поэзии и ныне соседствуют.

А тогда, после издания императором Александром I Манифеста от 30 ноября 1806 года «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции», в Петербургский милиционный батальон записался юный письмоводитель Министерства народного просвещения Константин Батюшков. Ему не было в ту пору и двадцати лет. В батальоне его назначили сотенным начальником. В начале марта батальон выступил в поход в Пруссию. О своих чувствах, впечатлениях и событиях тех дней Батюшков писал давнему другу Н. И. Гнедичу: 19 марта 1807 года «Я в Риге остался за болезнью на несколько дней, хотя уже полк и очень впереди. Но

теперь легче, и поеду завтра на курьерских догонять дружину... Мне очень нравится военное ремесло. Что будет вперед, Бог весть. Брани меня, а я штатскую службу ненавижу, чернила надоели; а стихи все люблю, хотя они меня не любят... Вообрази себе меня едущего на рыжаке по чистым полям, и я счастливее всех королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное...

Государь только откушал в Риге и поехал далее. Здешняя уморительная немецкая гвардия встречала его верхом. Я этого не видал, но видел сих героев. Они занимают гауптвахты по всему городу. Карикатуры, каких и Брейткопф сам нарисовать не может! Я, увидя их, чуть не умер со смеху. Одеты очень богато и важничают... Уроды!» [326–327]. Помимо этого, Батюшков живо интересовался тем, что происходило в оставленном им Петербурге. Он спрашивал Гнедича, как движется его работа над первой редакцией перевода «Илиады» и о том, какой успех имела постановка на петербургской сцене трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской». Ее же Батюшков упоминал в письме из Шавли (Шауляя) от 11 мая 1807 года Н. А. Оленину — сыну директора Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленина, с семейством которого поэт был дружен. Батюшков писал, сообщая подробности своей походной жизни: «Благодаря Бога, больных у меня против других полков очень мало... Ну, уж пришел в землю: ни хлеба, ни лошадей! Принуждены посылать по деревням своих офицеров. Не знаю, как пойду дальше. По обеим сторонам дороги мостовая из лошадей, и всему, как кажется причина — худое расписание г. губернатора, ибо не дают с других уездов, а все с одного. Вчера, читая газеты, увидел, что **Дмитрий**

уже в продаже. Нельзя ли прикомандировать Донского на Вислу, чтоб с трепетом сказать иноплеменным:

Языки, ведайте, велик российский Бог!

Вы не поверите, с каким удовольствием читал я приказ, отданный государем по прибытии его к армии. Велик российский Бог! Здесь есть раненые наши русские: никто не дает им никогда ничего; здесь есть три лакея Бернадота: они везде приняты, и их содержат, как офицеров...

Что ваши эскадроны? Я говорю об офицерах. Стрелки бесподобные. Право, могу показать баталион государю. Что ни скажи, все сделают с точностию». [1, 329–330]

29 мая 1807 года Батюшков был тяжело ранен в сражении под Гейльсбергом. Полуживого его вынесли с поля боя. Позже он сообщал о своем ранении: «Я жив, каким образом — Богу известно. Ранен тяжело в ногу навывлет пулею в верхнюю часть ляшки и в зад... Крови, как из быка вышло...» [2, 70] Кроме того, о чем писал Батюшков, позже выяснилось, что пуля задела спинной мозг. Это стало причиной постоянных недугов поэта. Впоследствии в «Арзамасе», где Батюшков носил прозвище «Ахилл» по названию одной из баллад Жуковского, его слабое здоровье сделалось предметом каламбура «Ахилл, ах, хил». На рисунке А. С. Пушкина Батюшков изображен на костылях.

В элегии «Воспоминание» поэт писал:

О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!

Где столько раз в ночи, луною освещенный,

Я в думу погружен, о родине мечтал;

О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
 Что я, мечтатель ваш счастливый,
 На смерть летя против врагов,
 Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
 Осталось мрачно вспоминаясь...
Между протекшего есть вечная черта:
 Нас сблизит с ним одно мечтание.
Да оживлю теперь я в памяти своей
 Сию ужасную минуту,
 Когда, болезнь вкушая люту
 И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!

[3, 210–211]

Лечился Батюшков в Риге, где его поместили в доме местного коммерсанта Мюгеля. За ним ухаживала дочь хозяина — прекрасная семнадцатилетняя Эмилия. Вскоре молодые люди страстно полюбили друг друга. Эмилии Батюшков посвятил стихотворение «Выздоровление» — одно из лучших в русской любовной поэзии:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
 Склоняет голову и вянет,

Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

[3, 214]

Но браку Батюшкова с Эмилией не суждено было состояться. Молодой русский офицер, по мнению купца Мюгеля, был мало подходящим женихом для его дочери. К тому же вдовый отец Батюшкова в это время женился вторым браком и на приданое поэту рассчитывать не приходилось.

За участие в Гейльсбергском сражении Батюшков был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Находясь уже в отпуске в своей деревне под Вологдой, в начале 1808 года поэт писал Гнедичу: «Я послал тебе 20. Купи медаль в пряжке. Не худо бы было и с аннинским крестиком». [1, 331]

Несмотря на недомогание после тяжелого ранения, осенью 1808 года Батюшков вернулся из отпуска в Петербург и поступил на службу в лейб-гвардии Егерский полк. Туда его перевели из ополчения еще в сентябре 1807 года.

Полк этот был любимым детищем Багратиона. Его сформировали 9 ноября 1796 года из егерских команд Семеновского и Измайловского полков и егерской роты Гатчинских войск. Поначалу он именовался лейб-гвардии Егерским батальоном на правах и преимуществах пехотных гвардейских полков. Но в 1806 году батальон был переформирован и получил название лейб-гвардии Егерского полка. Багратион принимал живое участие в его судьбе на всех этапах формирования.

Лейб-гвардейские егеря прекрасно проявили себя в австрийской, прусской, шведской кампаниях, Отечественной войне и заграничных походах русской армии. В 1812 году Багратион стал шефом полка.

Во время войны со Швецией Батюшков служил адъютантом полковника Андрея Петровича Турчанинова, командовавшего батальоном гвардейских егерей. Он участвовал в походе в Финляндию, а в марте 1809 года — в знаменитом броске в составе корпуса П. И. Багратиона по льду Ботнического залива на Аландские острова.

Впечатления от финской кампании отразились в очерке Батюшкова «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии», написанном по горячим

следам в том же году: «...Какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес, хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков. Войско расположилось; все проходит в движение: пуки зажженной соломы, переносимые с одного места на другое, пылающие костры хвороста, древние пни и часто целые деревья, внезапно зажженные, от которых густой дым клубится и восходит до небес: одним словом, движение ратных снарядов, ржание и топот коней, блеск оружия, и смешанные голоса воинов, и звуки барабана и конной трубы — все это представляет зрелище новое и разительное! Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает; ратники почил, и прежнее безмолвие водворилось: изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского; месяц, склоняясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан.

Теперь всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и прискорбно. Здесь мы победили, но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть! Здесь на каждом шагу встречаем мы или

оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, — пагубные следы войны и разрушения! Иногда лагерь располагается на отлогих берегах озера, где до сих пор спокойный рыбак бросал свои мрежи; иногда видим рвы, батареи, укрепления и весь снаряд воинский близ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!». [3, 102–103]

В Финляндии Батюшков вновь встретил своего товарища Ивана Александровича Петина, с которым познакомился еще во время прусского похода. Петин окончил Московский Благородный пансион, а затем Пажеский корпус и был направлен в гвардию. Он хорошо знал В. А. Жуковского, А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова. В Пруссии Петин был ранен в сражении под Фридландом, через три дня после ранения Батюшкова, и они вместе оказались в одном лазарете.

В шведской кампании Петину довелось отличиться в битве при Индесальми. Подразделение Батюшкова находилось тогда в резерве. Поэт посвятил Петину стихотворение, где вспоминал об этом эпизоде, посмеиваясь над собой:

Помнишь ли, питомец славы,
 Индесальми? Страшну ночь?
 «Не люблю такой забавы», —
 Молвил я, — и с музой прочь!
 Между тем как ты штыками
 Шведов за лес провожал,

Я геройскими руками...

Ужин вам приготавливал.

[3, 280]

О тех же событиях и об отваге своего друга Батюшков поведал в мемуарном очерке «Воспоминание о Петине»: «В 1808 году один батальон гвардейских егерей был отряжен в Финляндию. Близ озера Саймы, в окрестностях Куопио, он встретил неприятеля. Стычки продолжались беспрестанно, и Петин, имевший под начальством роту, отличался беспрестанно; день проходил в драке, а вечер посвящал он на сочинение своего военного журнала: полезная привычка для офицера, который любит свою должность и желает себя усовершенствовать. Полковник Потемкин, командовавший батальоном, уважал молодого офицера, и самые блестящие и опаснейшие посты доставались ему в удел, как лучшее награждение. К несчастью, другие ротные командиры получили георгиевские кресты, и Петин был обойден. Все офицеры единодушно сожалели и обвиняли судьбу, часто несправедливую, но молодой Петин, более чувствительный к лестному уважению товарищей, нежели к неудаче своей, говорил им с редким своим добродушием: «Друзья, этот крест не уйдет от офицера, который имеет счастье служить с вами: я его завоюю; но заслужить ваше уважение и приязнь — вот чего желает мое сердце, и оно радуется, видя ваши ласки и сожаления».

Мы подвинулись вперед. Под Индесальми шведы напали в полночь на наши биваки, и Петин с ротой егерей очистил лес, прогнал неприятеля и покрыл себя славою. Его вынесли на плаще, жестоко раненного в ногу.

Генерал Тучков осыпал его похвалами, и молодой человек забыл и болезнь, и опасность. Радость блистала в глазах его...» [3, 402–403]

В июле 1809 года Батюшков вышел в отставку в чине подпоручика. На военную службу он вернулся в 1813 году адъютантом легендарного генерала Н. Н. Раевского, одного из ближайших сподвижников П. И. Багратиона. Вместе с Раевским Батюшков принял участие в заграничном походе русской армии и дошел до Парижа.

Полковнику Петину суждено было погибнуть 24 лет от роду в битве под Лейпцигом.

Его памяти Батюшков посвятил одно из лучших своих стихотворений — элегию «Тень друга», где рассказал о пережитом им мистическом видении.

Но первым военным опытом Батюшкова стал багратионовский поход в Пруссию, когда поэту в короткое время довелось узнать близость смерти, любовь и дружбу, что отозвалось в его стихах неведомой прежде глубиной.

Список использованной литературы

1. К.Н. Батюшков. Избранные сочинения. — М., Правда, 1986.
2. К.Н. Батюшков. Сочинения. В 2-х т. Т. 2 — М., 1989.
3. К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. — М., Наука, 1978.